

Волкова Виктория Борисовна

КОНЦЕПТ "ПЛЕН" В "КАВКАЗСКОЙ" ПРОЗЕ В. С. МАКАНИНА: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

В статье исследуются понятийная и образная составляющие концепта "плен" в "кавказской" прозе В. С. Маканина. Актуальный слой понятийной составляющей образует несвобода физическая, а основой образной составляющей служат концептуальные метафоры. Выявление интертекстуальных связей классических произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского с рассказом и романом В. С. Маканина позволяет обнаружить ассоциативные смыслы, порождаемые внутренними связями данного концепта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/6/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 40-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.09

Филологические науки

В статье исследуются понятийная и образная составляющие концепта «плен» в «кавказской» прозе В. С. Маканина. Актуальный слой понятийной составляющей образует несвобода физическая, а основой образной составляющей служат концептуальные метафоры. Выявление интертекстуальных связей классических произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского с рассказом и романом В. С. Маканина позволяет обнаружить ассоциативные смыслы, порождаемые внутренними связями данного концепта.

Ключевые слова и фразы: концепт «плен»; интертекстуальность; понятийная и образная составляющие концепта; «кавказская» проза В. С. Маканина.

Виктория Борисовна Волкова, к. филол. н., доцент

Кафедра культурологии и русского языка

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

VBL2004@bk.ru

КОНЦЕПТ «ПЛЕН» В «КАВКАЗСКОЙ» ПРОЗЕ В. С. МАКАНИНА: ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА[®]

Концепт «плен» крайне редко оказывается в центре внимания современных ученых в противоположность концепту «свобода», который рассматривали и В. А. Маслова, используя методы когнитивной лингвистики [9, с. 163-206], и В. В. Колесов, исследуя с позиций лингвокультурологии [8, с. 109-116], и др. Тем не менее, концепт «плен» создаёт бинарную оппозицию концепту «свобода» и может быть представлен в виде символа, актуализирующегося в ситуациях перехода человека из состояния свободы в состояние несвободы.

Концепт «плен» в «кавказской» прозе В. С. Маканина является важнейшей составляющей интертекстуальной парадигмы. Если в рассказе «Кавказский пленный» (1994) данный концепт моделируется в паратекстуальном пространстве, то в романе «Асан» (2008) – в гипертекстуальном.

Актуальный слой понятийной составляющей концепта «плен» образует несвобода физическая. Меняя в заглавии «пленника» на «пленного», Маканин тем самым вступал в полемику с классической традицией. XX век со своими многочисленными войнами перевернул само представление о плене, поэтому писателю важно было собственноручно художественными средствами осмыслить понятие «плен». Если у классиков в плену оказывается русский, то в рассказе Маканина всё наоборот, ведь его «Кавказский пленный» – зеркальное отражение классической традиции. Маканин писал не ремейк, а ответ классикам с их верой в победу добра, справедливости и правды. Узлом повествования становится пленение горца русским солдатом Рубахиным, главным героем рассказа «Кавказский пленный», с целью обмена. Если пушкинского и лермонтовского пленников использовали в качестве рабочей силы, а за толстовского Жилина и Костылина требовали выкуп в обмен на свободу, то маканинский пленный является не предметом торга, а живой монетой. В лаконичном сюжете скрыта идея о тотальной бездуховности нового времени, иной исторической эпохи.

Исследование «кавказских» текстов Маканина вне интертекстуальной парадигмы представляется непродуктивным, поскольку они не раскрывают своей подлинной глубины. Унижение, насилие сопряжены с пленом и у Пушкина, и у Лермонтова, и у Толстого, но у Маканина всё острее, безысходнее, резче. В романе «Асан» в плену оказывается женщина, журналистка, которую выкупают за два миллиона долларов, и видео с которой присылается в штаб. Радевшая за чеченцев, защищавшая их в своих репортажах, журналистка сама испытывает весь ужас плена с насилием, унижением, побоями.

Но сексуальному насилию подвергается не только она, но и солдаты-ямники, которых выкупает Жилин, и их матери, которые в поисках сыновей сами идут в горы. Этого не могло быть у классиков. Так, толстовские герои попадают в плен в результате столкновения с татарами (а не похищения, как, например, это было с журналисткой), за них просят выкуп, и находится человек среди «чужих», сочувствующий им, – это Дина. Жилин Толстого вызывает симпатию у татар, за исключением только одного татарина, у которого русские убили семь сыновей. Пленники Толстого не терпят издевательств со стороны татар. Толстой пишет быль, но насилие над пленниками (та же яма после их неудачного побега, дурное питание) не обретает культового значения. Для Маканина натурализм плена важен не как таковой, а как проводник идеи об исторически крепнущей ненависти чеченцев к русским. Насилие возводится в культ как способ демонстрации власти, но за всем этим тот же выкуп, деньги. Парадоксальность современного чеченского плена, по Маканину, в том, что «борцы за независимость» расправляются с теми, кто за них ратует (плен журналистки).

Если опираться на толкование понятийной составляющей концепта С. Г. Воркачева, то её «уместнее всего определить через отрицание: это то в содержании концепта, что не является метафорически-образным и не зависит от внутрисистемных (“значимостных”, по Ф. Соссюру) характеристик его языкового имени» [3, с. 55]. Приёмом моделирования понятийной составляющей концепта «плен» в прозе Маканина выступает выстраивание историко-литературной вертикали, ведь писателю важна мысль о том, что в течение двух

веков деформировалось само представление о войне, о её законах, о цене человеческой жизни и о самом человеке, который должен был быть мерой всех вещей, однако ею не стал.

Рубахин по сути своей толстовский герой, но помещён он в другое время, поэтому действует по его законам, т.е. берёт в плен горца, чтобы обеспечить проход по ущелью русской колонны. Но нравственный стержень личности от времени и исторических перемен не зависит, поэтому Рубахин ведёт себя, что отмечали все критики, по отношению к пленному более чем странно. Однако эти странности мотивируются парадоксальностью человеческой природы, для которой естественно, по мысли писателя, стремление к красоте, милосердию, миру, но которая разрушается из-за необходимости воевать, быть агрессивным, уничтожать красоту.

Плен у Маканина не просто трагичен, он безысходен, поэтому и натуралистичен. В плен попадают небоевые солдаты, которых, как пушечное мясо, привезли на бойню и с которыми расправляются крайне жестоко. Плен убивает либо физически, либо духовно: гибнет горец в рассказе, задушенный Рубахиным («Кавказский пленный»), мучительно умирает неизвестный солдат, попавший в плен к Абусалиму Агдаеву, ломаются судьбы журналистки, солдат-ямников, их матерей («Асан»). Из плена вырываются герои Пушкина и Толстого; уже освободившись, гибнет лермонтовский пленник – у Маканина сбежать не удаётся никому. Гарантией свободы в XX-XXI вв. является не любовь, как у Пушкина и Лермонтова, не сила духа, выносливость и смекалка, как у Толстого, а деньги. Бесценная человеческая жизнь обрела свою цену (два миллиона долларов – за знаменитую журналистку, от восьми до десяти тысяч долларов – за пленного солдата) – таков ответ классика XX столетия классикам века XIX.

Понятийная составляющая концепта «плен» у Маканина базируется на многочисленных ассоциативных смыслах, порождаемых сложными внутренними связями данного концепта в художественном дискурсе. Но всё же доминантным признаком понятийной составляющей выступает несвобода как таковая. Метафоризация смыслов концепта «плен» актуализирует образную составляющую.

Основой выявления образной составляющей концепта «плен» служит анализ концептуальных метафор, имеющих эстетическое наполнение. Заложниками, пленёнными Кавказом, его красотой, оказываются и Рубахин, и Жилин, герой романа «Асан». В рассказе эта мысль выражена эксплицитно словами Алибекова, чья фамилия в переводе с арабского означает «высокообразованный господин» или «знаменитый и сильный». Герой утверждает, что не он является пленным, а все русские, служащие на Кавказе, ведь невозможно чеченцу быть пленным на своей родине, где даже горы помогают. Рубахин во внутренних монологах неоднократно задаёт себе вопрос, чем удерживает его Кавказ, но не может найти ответа, зато остро чувствует какую-то манящую красоту чужой земли, почти порочную, слишком витиеватую, помпезную, но пленительную.

Интертекстема в «Кавказском пленном» из «Идиота» Ф. М. Достоевского («Красота спасет мир»), ставшая не просто хрестоматийной, но и символической, является своего рода культурно-философским постулатом, помогающим найти ответ на неразрешимые вот уже не один век вопросы. Великий классик фактически соотнес категории моральные с эстетическими. Само понятие «спасение» в контексте творчества Достоевского становится полифункциональным: спасение души своей и близких людей, спасение себя как личности, т.е. умение быть верным себе, спасение мира посредством нравственного преображения живущих в нем.

В. С. Маканин, открывая рассказ «Кавказский пленный» символической преамбулой: «Красота спасет мир», – наверняка рассчитывал на широкие ассоциации читателя. В экспозиции происходит хронологическое соотнесение: мир Достоевского, заявленный интертекстемой, ломая временные границы, проникает в художественное пространство маканинского рассказа. Мышкин – князь, Рубахин – солдат. Место Мышкина – в дворянских салонах, Рубахина – на склонах Кавказских гор. Рубахин никогда бы не смог так точно выразить мысль, так полно соотнести эстетическое с этическим. Солдатам вообще непонятно, как красота может спасти, потому что на чужой земле, пусть и райски красивой, она их губит. Красота воспринимается как конкретная величина, физическая, ни с чем, кроме смерти, не связанная.

Завораживающая красота пугает и отталкивает. Справедливо замечание Достоевского о том, что красоту сложно судить, потому что она загадка. Страх – доминирующее чувство в художественном топосе рассказа, соотнесенное с красотой Кавказа. На фоне роскошной южной природы возможная смерть воспринимается как нечто ирреальное. Призванная спасать, красота подает сигналы: она предостерегает, настораживает, заставляя все время быть начеку, не расслабляться. Примечательно, что убийства, нападения со стороны горцев происходят на возвышенности, на склонах (смерть ефрейтора Бояркова, столкновение с чеченцами на горной тропинке), будто горы выдают чужаков, но защищают своих. Красота – семиотическая величина у Маканина. С одной стороны, это сигнал об опасности, предупреждать – вот главная функция красивого, но пугающего ландшафта. С другой – приобщение к миру пусть чуждой, но все же манящей красоты и проникновение в него.

Эстетическое начало в Жилине, в отличие от Рубахина, намеренно ограничено. Однако в финале романа однократно, но мотив подобного плена всё же конкретизируется, когда Крамаренко призывает уже умирающего Жилина в последний раз полюбоваться красотой гор, от которой нет толку. Финал романа стал ответом на финальный вопрос рассказа о том, с какой целью окликает эта красота. Вопросом – закономерно в эпоху относительности многих ценностей. Сам вопрос Крамаренко как бы выпадает из его монолога: «толку ноль» от красоты, которая «окликает», пленит, а затем убивает.

Визуальное восприятие является основным способом освоения красоты, именно оценки «первовидения» наиболее значимы в процессе установления контактов между героями. В рассказе прелесть местности соотнесена с физическим обаянием пленного горца. Взятый в плен молодого горца Рубахин невольно соотносит прелесть его лица с очарованием кавказской природы и испытывает что-то вроде влюбленности, попадая в плен

манящей, необузданной красоты. В какой-то момент между героями налаживается контакт. Рубахин, конечно же, не отдает отчет в том, что к нему вдруг пришло понимание красоты, но в себе он чувствует перемену.

А. А. Генис, впрочем, как и другие критики, справедливо отмечает эротический характер чувства Рубахина к горцу [4, с. 229]. Но это ощущение не результат долгого отсутствия контактов с женщиной, а имманентное, иррациональное чувство. Не случайно герой долгое время не может осознать его в себе, но при этом испытывает перцептивное влечение, не поддающееся анализу. Характерно, что до пленения горца Рубахин лишь констатирует происходящее: разговор подполковника Гурова с боевиком Алибековым, кокетство Вовки с чеченкой, засада с целью конфискации оружия. Рефлектировать герой начинает только после захвата чеченца. Попытка осмыслить свое чувство сопровождается анализом мотивов, заставляющих Рубахина вот уже который год служить на Кавказе.

Критики по-разному истолковывают природу рубахинского чувства. А. В. Дмитриев видит «короткий приступ чувственности» [5, с. 240], А. А. Генис – «неразделенную извращенную любовь» [4, с. 229], К. В. Богомолов – «симптомы сексуального влечения» [2, с. 253], И. Б. Роднянская – «реакцию, произвольно физиологическую» [10, с. 209]. В целом, их точки зрения схожи, потому что все они соотносят эротизм чувства к пленному с осознанием красоты как таковой.

Н. Б. Иванова отмечает как характерную черту маканинского творчества «экзистенциальность повествования» [6, с. 217]. Рубахин осознал себя как экзистенцию в пограничной ситуации, то есть перед лицом смерти. «Обретая себя как экзистенцию, человек впервые обретает и свою свободу, которая состоит в том, чтобы человек не выступал как вещь, формирующаяся под влиянием естественной и социальной необходимости, а “выбирал” самого себя... Тем самым человек несет ответственность за все совершенное им, а не оправдывает себя “обстоятельствами”» [11, с. 532]. Рубахин убил красоту, задушив горца. Причина поступка – страх за собственную жизнь, инстинкт самосохранения оказался сильнее любовного чувства. Если бы чувство к пленнику имело физический характер, то оно бы и исчезло вместе с его смертью. Но все происходит наоборот: дошедший до своих Рубахин испытывает своего рода угрызения совести, он «выбрал» самого себя, и весь груз нравственной ответственности за содеянное на нем. Красота не спасла горца и когда-нибудь, Рубахин знает, погубит и его.

Н. Д. Арутюнова утверждает, что «воля» ассоциируется с модальностью желания, снимающей ограничения. «Семантический комплекс желания и выбора придает “воле-свободе” положительную оценку, которая поддерживается тем, что “воля-свобода” составляет неизменную цель... личных устремлений человека» [1, с. 74].

Таким образом, понятийная и образная составляющие концепта «плен» формируются посредством оппозиции «свои и чужие» в рассказе «Кавказский пленный» и романе «Асан» и выстраивают интертекстуальную парадигму. Ссылаясь на характеристику концептов, данную В. И. Карасиком и Г. Г. Слышкиным, можно говорить о том, что концепт «плен» является полиапеллируемым [7, с. 55], т.е. имеет в художественном дискурсе множество «входов», исследование которых в интертекстуальных связях с произведениями классиков позволяет выявить значимые признаки понятийной и образной составляющих концепта.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003. С. 73-99.
2. Богомолов К. В. Литературное обозрение // Урал. 1995. № 6. С. 252-254.
3. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. 2001. Т. 60. № 6. С. 47-58.
4. Генис А. А. Беседа третья. Прикосновение Мидаса: Владимир Маканин // Звезда. 1997. № 4. С. 228-230.
5. Дмитриев А. В. Война и мы // Знамя. 1996. № 4. С. 238-240.
6. Иванова Н. Б. Случай Маканина // Знамя. 1997. № 4. С. 215-220.
7. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: сборник статей. М. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 50-57.
8. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 304 с.
9. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 271 с.
10. Роднянская И. Б. Сюжеты тревоги // Новый мир. 1997. № 4. С. 200-212.
11. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1998. 560 с.

CONCEPT “CAPTIVITY” IN “CAUCASIAN” PROSE OF V. S. MAKANIN: INTERTEXTUAL PARADIGM

Viktoriya Borisovna Volkova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Department of Culturology and Russian Language
 Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov
 VBL2004@bk.ru

The author researches the conceptual and figurative components of the concept “captivity” in the “Caucasian” prose of V. S. Makanin, shows that the actual stratum of the conceptual component is formed by the physical lack of freedom, and the figurative component basis is formed by conceptual metaphors, and reveals the intertextual connections of the classical works by A. S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevskii with the story and novel by V. S. Makanin that allows finding out the associative meanings generated by the internal connections of this concept.

Key words and phrases: concept “captivity”; intertextuality; conceptual and figurative components of concept; “Caucasian” prose of V. S. Makanin.